

УДК 94(47)«1941/1945»:303.446.4

Т.П. Савчук

канд. ист. наук, доц. каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Silivaniuk@tut.by

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Рассмотрены основные научно-методологические подходы современных российских и белорусских ученых к проблеме исторической памяти. Анализируются актуальные и дискуссионные аспекты изучения данного феномена в российской и белорусской историографии. Обозначены современные ключевые тенденции в исследовании памяти. К числу таковых относится повышенный интерес к изучению национальных особенностей памяти, а также появление в условиях развития информационных технологий новых способов коммеморации прошлого. Делается вывод о том, что ключевым элементом исторической памяти жителей Беларуси и России является память о Великой Отечественной войне. Акцентируется внимание на специфике белорусского образа войны.

Введение

Особенностью современной историографической ситуации является активное обращение гуманитариев к проблемам памяти (исторической, социальной, коллективной) и начало систематической разработки различных аспектов прошлого. Изучение исторической памяти сформировалось в самостоятельное научное направление – *memoria studies*. Отношение между памятью и историей, а также история памяти стали в последнее десятилетие важной темой публичных дискуссий не только историков, но и социологов, культурологов, философов, литературоведов, психологов.

Ключевые категории памяти сформировались в XX в.: «память мира» ввел французский культуролог А. Моль, «коллективную память поколений» предложил американский социолог Г. Шуман. Дальнейшее развитие они получили в работах французского ученого, основателя школы «Анналов» М. Блока. Кроме него понятия «коллективная память», «социально-историческая память», «культурно-историческая память» использовали в своих трудах такие историки, как П. Берк, А. Бюргер, Ж. Гофф, Л. Февр, Р. Шартье. Научная постановка проблемы исторической памяти связана с работками М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, П. Рикера, Ф. Йейтса и др. [1; 2].

В России и Беларуси исследования памяти имеют свои особенности. Анализ концептуальных подходов российских и белорусских ученых к проблеме исторической памяти является целью данной статьи.

Российская и белорусская историография проблемы исторической памяти

Основателем теории исторической памяти считается французский философ, социолог и психолог М. Хальбвакс. В работе «Социальные рамки памяти» [3] он предложил рассматривать память как коллективный социальный феномен. По его мнению, человеческая память не может функционировать вне общества, причем это касается не только социальных групп, но и каждого индивида. Именно извне, из общественного сознания эпохи, человек заимствует, с одной стороны, исторические вехи, а с другой – категориальный аппарат, понятия и средства, позволяющие воспоминанию оформиться. Важнейшим инструментом исследования коллективной памяти, к которому прибегает М. Хальбвакс, является понятие «рамка». Рамка – это совокупность «опорных точек и системных единиц», к которым человек привязывает свои личные воспоминания. Это та среда, которая служит основанием памяти индивидуальной [4, с. 129].

Теоретическая позиция французского ученого по проблеме соотношения памяти и истории состояла в том, что он считал эти понятия оппозиционными. М. Хальбвакс акцентировал внимание на различиях между типами прошлого, которое они восстанавливают. Коллективная память творит связь прошлого и настоящего, тогда как история разрывает данную преемственность. История имеет дело с прошлым, очищенным от живой памяти [5, с. 106]. В развитие этой мысли П. Рикёр рассматривает историю и память как два принципиально разных способа воссоздания прошлого [6]. Известный французский историк П. Нора, развивая взгляды Хальбвакса, заявил, что «история убивает память» [7].

С конца 1980-х гг. начинается новый период в разработке темы исторической памяти. Это было обусловлено кардинальными политическими, экономическими и социокультурными трансформациями, которые переживали не только российское, но и все постсоветские общества. «Распад советского образа истории потребовал пересмотра и переопределения национального исторического нарратива, поиска объединяющих способов осмысления своей истории» [8, с. 187]. На сегодняшний день в России сформировалась обширная библиография по данной проблеме, которая включает в себя как отдельные публикации, так и монографические, а также диссертационные работы. Определенный интерес в рамках нашей темы представляют социологические исследования исторической памяти. Так, диссертационная работа социолога М.Г. Дмитриевой [2] посвящена комплексному изучению содержания, функций исторической памяти, роли государственной политики и учреждений культуры в ее формировании и развитии. Она определяет историческую память «как совокупный опыт общества (социальной группы, этноса, граждан государства), сформированный в процессе развития представлений о мире, который является важным для ныне живущего поколения и хранится при помощи системы средств массовой информации, социальных институтов (образования, музеев, библиотек и т.д.) для актуализации и последующего использования» [2, с. 9]. Данной дефиниции придерживаются также Е.П. Тавокин, И.А. Табатадзе, которые фокусируют внимание на объекте исторической памяти. Это «прошлое во всем многообразии его проявлений в духовной и материальной сферах жизни общества через связь поколений» [9, с. 62]. В целом, количественные исследования социологов, базирующиеся на результатах опросов общественного мнения, позволяют выделить основные топоры в представлениях о прошлом жителей России.

Различные аспекты феномена исторической памяти изучают российские историки И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, Е.С. и А.С. Сенявские, О.С. Поршнева. Вопросы соотношения исторической памяти и исторического сознания рассматриваются в публикациях Е.А. Приходько, С.О. Лебедевой, И.Е. Козновой, Ж.Т. Тощенко [10].

Отдельные вопросы темы разрабатывают уральские ученые И.В. Грибан, О.Н. Грибан, И.А. Попп, Л.Н. Мазур [11]. Так, в статье И.В. Грибан «Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов» [12] наряду с осмыслением актуальных и дискуссионных аспектов обозначены современные ключевые тенденции развития исследований исторической памяти. К числу таковых, во-первых, относится повышенный интерес к изучению национальных особенностей памяти, сравнению национальных моделей памяти, поиск как специфики, так и общих координат, которые сближают национальные образы прошлого. Во-вторых, по мнению И.В. Грибан, происходит «виртуализация истории и исторической памяти». Развитие информационных технологий приводит к появлению новых способов коммеморации прошлого. «Изучение недостатков и преимуществ, особенностей и последствий формирования исторической памяти в режиме онлайн, по-видимому, в ближайшем будущем станет актуальным направлением исследований» [12, с. 339].

Дискуссионными для российской исторической науки остаются вопросы соотношения истории как науки и исторической памяти, отсутствия единого подхода к определению термина «историческая память», роли профессиональных историков в ее формировании. Однако, несмотря на наличие спорных вопросов, большинство российских ученых единодушно в том, что основным элементом исторической памяти российского населения является память о Великой Отечественной войне. Другие достижения, которыми следует гордиться, исследования ранжировали в следующем порядке: послевоенное восстановление страны; великие российские поэты, писатели, композиторы; достижения отечественной космонавтики; первый полет Ю. Гагарина в космос; достижения российских спортсменов и др. [9, с. 64].

Выделим основные методологические подходы к исследованию данной проблемы. В настоящее время определились государственно ориентированный, личностно ориентированный и объединительный подходы. В государственно ориентированном подходе память о войне понимается как политический феномен, инструмент строительства нации. Несмотря на то, что этот подход является основным для социологических исследований проблемы, историки также активно обращаются к вопросам «политики памяти» [9; 13; 14]. «Положительная память» о Великой Отечественной войне позиционируется как основа общности российской нации, как «величайшее проявление народного единства, торжество российских цивилизационных принципов над абсолютным злом – расизмом и фашизмом» [14, с. 59].

Сторонники личностно-ориентированного направления рассматривают военную память как явление индивидуальное, результат личной утраты, травматической реакции личности на смерть близких. Психологическая травма личности (или коллективная травма представителей причастных к событию групп) определяет формы мемориализации войны. В целом значительно выросло количество работ, посвященных «человеческому измерению» войны, выполненных в контексте таких современных исследовательских направлений, как социальная история, микроистория и военно-историческая антропология [15]. В отдельных публикациях раскрываются специфика восприятия военных событий представителями разных родов и видов войск, их фронтовой быт, формирование образа «врага», взаимное восприятие союзников и противников в годы Великой Отечественной войны [16]. Осмысление фронтового поколения как определенной социально-психологической общности позволило говорить о противоречивости военного опыта, ставить проблемы выхода бывших фронтовиков из войны и их адаптации к мирной жизни.

Современные исследователи памяти более склонны к развитию третьего – объединительного – направления. При этом подходе строится многомерная модель анализа памяти о войне, репрезентацию которой одновременно определяют структурные условия функционирования общества (политика государства) и «чувства» отдельных людей и социальных групп, пострадавших от войны. Ученые анализируют функции и формы воплощения памяти о войне в литературе и искусстве, музыке и кинематографе, монументальных мемориалах и средствах массовой информации, механизмы формирования героических символов и мифов войны, сам опыт осуществления политики памяти в российском обществе [17].

Что касается белорусских исследований, то проблему исторической памяти изучают преимущественно социологи: И.В. Котляров, А.А. Ластовский, О.А. Матусевич, Н.Л. Мысливец и др. Особенность социологического подхода заключается в рассмотрении данной категории как основного элемента национальной идентичности, ключевого механизма консолидации общества [8; 18; 19]. Более того, проблема сохранения памяти трактуется как проблема государственной безопасности и важный фактор политической стабильности в условиях мировых глобализационных процессов [20, с. 16]. В ме-

тодологическом плане белорусские социологические исследования базируются на существующей европейской традиции изучения памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман и др.). Однако следует обратить внимание на мнение историка О.А. Матусевич, утверждающей, что «социологических опросов по проблеме массовых представлений о прошлом в Беларуси, в сравнении с нашими ближайшими соседями, крайне мало. Результаты этих исследований ввиду фрагментарности и разовости проведения не дают возможности комплексно анализировать социальную память белорусов» [21, с. 75].

Определенный вклад в изучение исторической памяти белорусского народа внес белорусский социолог А.А. Ластовский [8; 18; 22]. Он выделил три уровня памяти исходя из дискурсивной стратификации общества. Первый уровень – официальный; он формируется властным дискурсом и «представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого» [18, с. 88]. Это т.н. культурная память Яна Ассмана. Основными способами ее трансляции сегодня выступают институт образования и средства массовой информации. Второй уровень составляют социальные представления о прошлом, которые формируются в результате усвоения культурной памяти в общественном сознании. Третий уровень, по мнению А.А. Ластовского, – это коммуникативная память. Это личный опыт прошлого, повседневная коммуникация [18, с. 88–89].

Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую национальную идентичность, по мнению большинства ученых, является память о Великой Отечественной войне. По данным ряда социологических исследований большинство граждан Беларуси главным событием прошлого столетия назвали победу в Великой Отечественной войне. Война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, поскольку это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило будущее всего мира, и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества. В-третьих, историческая память про победу в Великой Отечественной войне, как справедливо утверждает директор Института социологии НАН Беларуси И.В. Котляров, «выступает структурообразующим элементом духовного состояния белорусского народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление существующих проблем, на решение насущных экономических, социальных и политических задач» [23, с. 133].

Результаты социологических исследований показали, что память о войне является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций в белорусском обществе [8, с. 189]. А.А. Ластовский акцентирует внимание на том, что белорусский образ войны имеют свою специфику. Во-первых, это огромные потери белорусского народа, что придает белорусам статус не только народа-героя, но и народа-мученика. Во-вторых, это вклад белорусского народа в победу над фашизмом, особенно массовое партизанское движение на территории Беларуси [8, с. 189].

Рассматривая механизмы формирования в Беларуси исторической памяти о войне, Н.Л. Мысливец отмечает изменения в этом процессе на протяжении последних десятилетий. Они связаны в первую очередь с тем, что большинство участников войны ушли из жизни. «Постепенно исчезает межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения “живой памяти”» [19, с. 24]. К числу современных проблем в сохранении памяти о войне в среде подрастающего поколения ученый относит отдаление и разрыв поколений, потерю доверия к авторитету учителя и родителей. Однако именно «семья, государство и образовательная сфера продолжают оставаться ключевыми институтами формирования исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне» [19, с. 28]. Таким образом, существуют устойчивые основания для ее дальнейшего развития. В целом историческая память о Великой Отечественной войне,

по мнению отечественных социологов, является «ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [8, с. 189].

Современные отечественные историки, в отличие от социологов, основное внимание сосредоточили на изучении отдельных форм репрезентации исторической памяти о Великой Отечественной войне (А.А. Коваленя, А.М. Литвин, К.И. Козак, Э.Г. Иоффе, Т.П. Савчук, А.С. Шамрук, С.В. Грунтов и др.). Особое место среди работ белорусских историков занимают публикации А.А. Ковалени [24]. Заслугой ученого является изучение памяти о Великой Отечественной войне как комплексной проблемы. Исследователь подчеркивает значимость воинских памятников в жизни общества, поскольку они «играют определенную роль в формировании национальной гордости, патриотического и национального самосознания белорусского народа» [24, с. 277]. Рассматривая деятельность государственных органов, общественных объединений в сфере мемориализации, А.А. Коваленя показывает, что работа по изучению и увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны является частью государственной политики.

Различные аспекты организации и проведения поисковой работы стали предметом исследования В.В. Шумского [25]; изучением роли мемориализации Великой Отечественной войны в военно-патриотического воспитания занимается Н.А. Журавков [26]; социальный аспект увековечения исторической памяти рассматривает К.И. Козак [27]. Тема мемориализации жертв Холокоста представлена в исследованиях М.Б. Ботвинника [29], Л. Левина [29], И. Смиловицкого [30]. Деятельность государственных органов и общественных организаций по сохранению памяти о Великой Отечественной войне на протяжении всего послевоенного периода освещена в монографии Т.П. Савчук [31]. Основное внимание в этой работе сконцентрировано на отображении процесса проектирования, сооружения и сохранения военных памятников.

Современные тенденции художественно-композиционного решения воинских мемориалов отражены в публикациях П.В. Войницкого, Л.Е. Дягилева, А.С. Шамрук [32]. Семантика мемориальных памятников, в том числе и Великой Отечественной войны, явилась предметом диссертационного исследования С.В. Грунтова [33]. Анализируя значение воинских мемориалов, автор делает вывод о том, что «возведение мемориальных памятников жертвам Великой Отечественной войны и создание мемориальных ритуалов стали важными элементами патриотического воспитания белорусов» [33, с. 15].

Достижением белорусской науки можно считать историографическое осмысление проблемы исторической памяти. Одной из первых к этой теме обратилась О.А. Матусевич, которая предприняла попытку отобразить основные результаты в изучении исторической памяти в Беларуси [21]. О.А. Матусевич подчеркивает востребованность темы исторической политики, в рамках которой осуществляется анализ содержания учебной литературы, в том числе учебника как места памяти. В недостаточной мере, считает автор, изучена мемориальная культура и коммеморативная практика, наградная политика, трансформация городского ландшафта. Делается критический вывод о том, что «узловые проблемы формирования и функционирования исторической памяти белорусов рассмотрены эпизодически, и отсутствуют попытки комплексного исследования данного феномена... Научное сообщество осознает актуальность и важность этой исследовательской проблемы, однако значительная часть авторов, обратившись к ней единожды, впоследствии не занимается изучением исторической памяти, что объясняет противоречивость и нередко поверхностность ряда публикаций, после прочтения которых становится очевидной слабая методологическая проработка исследования» [21, с. 76]. Скепсис ученого сохраняется и в отношении роли Великой Отечественной войны в формировании позитивного сценария будущего.

Заключение

Концепция исторической памяти представляет собой актуальное и востребованное исследовательское направление, существующее на стыке разных гуманитарных дисциплин. Особенность современной историографической ситуации рассматриваемой проблемы заключается в обращении к национальным моделям памяти, выделении общих и специфических черт исторической памяти народов, а также появлении новых способов коммеморации прошлого, «виртуализации истории и исторической памяти».

Российскими и белорусскими учеными накоплен значительный опыт теоретического осмысления данного феномена, разработаны и его прикладные аспекты. К числу достижений российских исследователей следует отнести наличие специальных работ, в которых предпринята попытка комплексной проработки проблемы исторической памяти. Что касается белорусской историографии темы, то ее теоретические аспекты рассматриваются преимущественно в рамках социологических проектов. Приходится констатировать, что теория и методология исторической памяти пока не нашли своих исследователей в среде отечественных историков. В то же время в последние годы появляются специальные работы, посвященные изучению отдельных форм репрезентации памяти, главным образом памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевым элементом исторической памяти народов Беларуси и России, по мнению большинства ученых, является память о Великой Отечественной войне. Она представляет собой уникальное социальное и культурное явление. Эта память может передаваться от поколения к поколению посредством различных символов и практик, составляющих сложный процесс мемориализации. Сохранение (забвение) памяти о Великой Отечественной войне напрямую зависит от участников коммеморации: политики государства и отдельно взятого человека, социальной группы, общества. Специфика белорусского образа войны заключается в особой роли партизанского движения в победе над фашизмом, а также в огромных потерях белорусского народа, что дает право считать белорусов «не только народом-героем, но и народом-мучеником».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман, Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 368 с.
2. Дмитриева, М. Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / М. Г. Дмитриева ; Рос. акад. гос. службы при президенте РФ. – М., 2005. – 30 с.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
4. Сабанчеев, Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса / Р. Ю. Сабанчеев // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2. – С. 127–132.
5. Романовская, Е. В. Феномен памяти: между историей и традицией / Е. В. Романовская // Философия и о-во. – 2010. – № 1. – С. 98–109.
6. Рикер, П. Память. История. Забвение / П. Рикер. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
7. Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаева. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 328 с.
8. Ластовский, А. А. Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности / А. Л. Ластовский // Социол. альм. – 2010. – Вып. 1. – С. 187–195.

9. Тавокин, Е. П. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне / Е. П. Тавокин, И. А. Табатадзе // Социол. исслед. – 2010. – № 5. – С. 62–66.

10. Кознова, И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения / И. Е. Кознова // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 23–34; Приходько, Е. А. Историческая память и историческое сознание / Е. А. Приходько, С. О. Лебедева // История, философия, полиология и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 132–135; Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. 2000. – № 4. – С. 3–14.

11. Грибан, И. В. Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне / И. В. Грибан, О. Н. Грибан // Преподавание истории в шк. – 2016. – № 1. – С. 33–37; Грибан, И. В. Кино как источник формирования исторической памяти: из опыта деятельности студенческого кино-клуба «Двадцать пятый кадр» / И. В. Грибан, А. В. Неволин // Бюл. науки и практики. – 2017. – № 9. – С. 184–188; Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2013. – № 3. – С. 243–256.

12. Грибан, И. В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов / И. В. Грибан // Бюл. науки и практики. – 2016. – № 11. – С. 334–342.

13. Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической памяти наследников СНГ и ЕС / Т. С. Гузенкова (отв. ред.) [и др.]. – М. : РИСИ, 2015. – 460 с.

14. Баранов, А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия / А. В. Баранов // Наследие веков. – 2017. – № 2. – С. 55–61.

15. Алексеенок, А. А. Особенности исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне детей войны методом фокусированного интервью / А. А. Алексеенок, Т. В. Игнатова // Среднерус. вестн. обществ. наук. – 2014. – № 6 (36). – С. 43–48; Иванова, Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах / Ю. Н. Иванова. – М. : Рос. полит. энцикл., 2002. – 256 с.; Чернышева, Н. В. Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны: ист.-социол. анализ (на материалах Кировской области) / Н. В. Чернышева // Женщина в рос. о-ве. – 2016. – № 3 (80). – С. 98–105.

16. Сениявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сениявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с.; Сениявская, Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение : ист.-психол. исслед. / Е. С. Сениявская. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – 220 с.

17. Репрезентация памяти о победе в Великой Отечественной Войне на страницах донской периодической печати / М. В. Братолубова [и др.] // Социосфера. – 2015. – № 4. – С. 11–17; Кринко, Е. Ф. Институционализация памяти: научно-организационные формы и практики изучения Великой Отечественной войны в советской и постсоветской историографии / Е. Ф. Кринко // Історіографічні дослідження в Україні. – 2012. – № 22. – С. 247–264; Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 784 с.; Талавер, А. Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м) / А. Талавер. – М. : Высш. шк. экономики, 2013. – 56 с.

18. Ластовский, А. Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Л. Ластовский // Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4. – С. 88–99.

19. Мысливец, Н. Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ / Н. Л. Мысливец // Филос. и соц. науки. – 2015. – № 4. – С. 23–29.

20. Великая Отечественная война в исторической памяти современной молодежи (по материалам социологического опроса учащихся средних школ г. Гродно и Гродненской области / Н. Л. Мысливец [и др.] // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества (Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается) : материалы Респ. науч.-практ. конф., г. Барановичи, 17 апр. 2015 г. / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2015. – С. 16–18.

21. Матусевич, О. А. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы / О. А. Матусевич // Тр. Белорус. гос. техн. ун-та. Сер. 6, История, философия. – 2017. – № 2 (203). – С. 74–78.

22. Ластовский, А. Л. Историческая память белорусских поляков: между официальными нарративами и семейными преданиями / А. Л. Ластовский // Социол. альм. – 2011. – Вып. 2. – С. 290–301; Ластовский, А. Л. Историческая память в содержании культурной идентичности / А. Л. Ластовский // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества : сб. науч. тр. – Минск, 2009. – С. 284–299.

23. Катляроў, І. В. Памяць аб Вялікай Айчыннай вайне – свяшчэнная / І. В. Катляроў // Полымя. – 2009. – № 7. – С. 132–135.

24. Коваленя, А. А. Великая Победа: время и память / А. А. Коваленя // Наука и инновации. – 2010. – № 5. – С. 27–30; Коваленя, А. А. Великая Победа. 70 лет спустя... / А. А. Коваленя, М. А. Краснова // Образование Минщины. – 2015. – № 2 (55). – С. 3–8; Коваленя, А. А. Героизм, мужество, самоотверженность: навечно в памяти народной / А. А. Коваленя // Беларусь, 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Кн. 2. – С. 275–330; Коваленя, А. На века в памяти людей / А. Коваленя, Е. Колесникова // Неман. – 2010. – № 5. – С. 171–189.

25. Шумский, В. В. Государственный учет воинских захоронений в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В. В. Шумский // Погибшие – Пленные – Захороненные: цифры и факты о советских и немецких жертвах в период Второй мировой войны и послевоенное время : ст. и докл. Междунар. конф., Дрезден, 2010 г. – Режим доступа: <http://www.dokst.ru/content>. – Дата доступа: 20.04.2010; Шумский, В. Поиск продолжается... / В. Шумский // Немига лит. – 2004. – № 1. – С. 114–123.

26. Журавков, М. А. Деятельность органов и учреждений образования по увековечению памяти защитников Отечества и жертв фашизма в Беларуси (1944–2005 гг.) / М. А. Журавков // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 4. – С. 34–36; Журавков, М. А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М. А. Журавков // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 28–29 апр. 2005 г. : в 2 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 175–178.

27. Козак, К. І. Малавядомая жаночая гісторыя вайны – гісторыя барацьбы і выжывання / К. І. Козак // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 4 сак. 2005 г. / адк. рэд.: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2006. – С. 7–56; Козак, К. І. Мемарыялізацыя вайны: сацыяльныя аспекты / К. І. Козак // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў : матэрыялы Міжнар. навук. семінара, Мінск, 1 верас. 2003 г. / Нац. архіў Рэсп. Беларусь ; адк. рэд.: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2004. – С. 200–201.

28. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Ботвинник. – Минск : Беларус. навука, 2000. – 325 с.; Ботвинник, М. Б. Холокост в книгах «Память» Республики Беларусь / М. Б. Ботвинник. – Минск : Ковчег, 2008. – 179 с.
29. Левин, Л. К вопросу о мемориализации мест массового уничтожения жертв Холокоста на территории Беларуси / Л. Левин // Уроки Холокоста: история и современность : сб. науч. работ / сост. и ред. Я. З. Басин. – Минск, 2010. – Вып. 3. – С. 174–177.
30. Смиловицкий, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : [б. и.], 2000. – 432 с.
31. Савчук, Т. П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси : монография / Т. П. Савчук. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – 168 с.
32. Войницкий, П. Мемориалы Великой Отечественной. Этапы эволюции / П. Войницкий // Архитектура и стр-во. – 2004. – № 2. – С. 48–52; Дягилев, Л. Е. Мемориальные сооружения в современной городской среде / Л. Е. Дягилев // Науч.-информ. вестн. Белорус. акад. архитектуры. – 2003. – Вып. 1. – С. 21–24; Шамрук, А. Память о Красном Береге / А. Шамрук // Архитектура и стр-во. – 2008. – № 7. – С. 88–90.
33. Грунтоў, С. У. Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII – пачатку XXI ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / С. У. Грунтоў ; НАН Беларусі, Ін-т мастацтва, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2011. – 22 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2018

Savchuk T.P. Historical Memory in the Works of Contemporary Russian and Belarusian Researchers: Methodological Approaches

The main scientific and methodological approaches of contemporary Russian and Belarusian scientists to the problem of historical memory were considered. Current and debatable aspects of study of this phenomenon in Russian and Belarusian historiographies were analyzed. Modern key tendencies in memory research were indicated. Among these is the increased interest in the study of national memory features, as well as the appearance in the conditions of the development of information technologies of new ways of commemorating of the past. A conclusion is drawn, that the key element of the historical memory of the inhabitants of Belarus and Russia is the remembrance of the Great Patriotic War. The attention is focused on the specifics of the Belarusian way of the war.